ISBN 978-5-9902930-1-4

ББК 63.3
ISBN 978-59-902930-1-4
УДК 355.48

355.4
Т-454

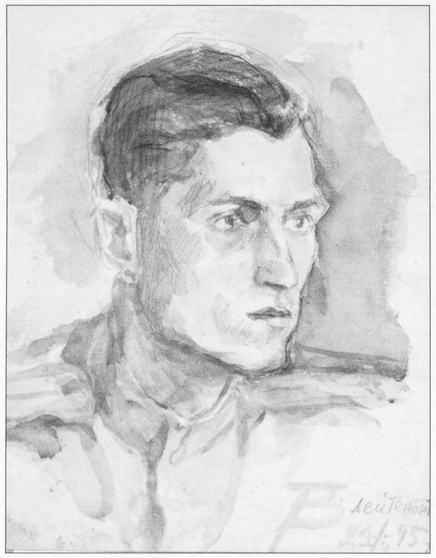
В. А. ТИТОВ

ТЫСЯЧА ДНЕЙ И НОЧЕЙ ПОД ПРИЦЕЛОМ

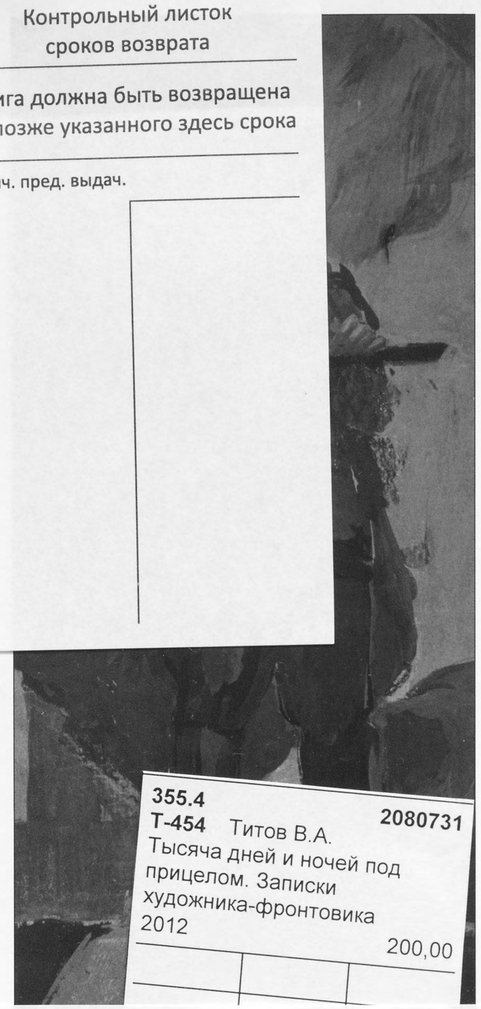

ЗАПИСКИ
ХУДОЖНИКА-ФРОНТОВИКА

Контрольный листок
сроков возврата

Книга должна быть возвращена
не позже указанного здесь срока

Колич. пред. выдач.

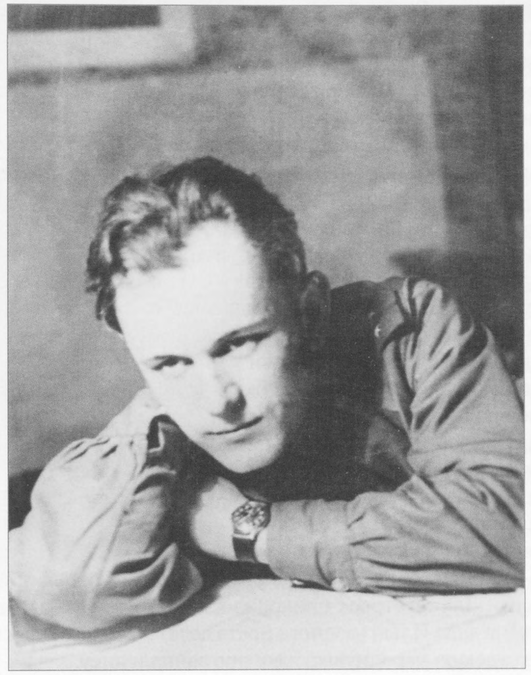
355.4
Т-454 Титов В.А. 2080731
Тысяча дней и ночей под прицелом. Записки художника-фронтовика
2012
200,00

2080731

Возвратите книгу не позже
обозначенного здесь срока

355.4
Т-454

СЛОВО ОБ ОТЦЕ

Мой отец, Виктор Александрович Титов, родился 1 мая 1922 года в селе Мышкино Можайского района Московской области. С 1938 по 1941 год учился в Московском областном училище памяти 1905 года у художников П. И. Петровичева и Н. П. Крымова. В 1952-м окончил Московский институт прикладного и декоративного искусства. Учился у А. А. Дейнеки, П. П. Соколова-Скаля, В. И. Козлинского. В годы Великой Отечественной войны воевал на Центральном, 1-м, 2-м, 3-м Белорусских фронтах. Был командиром пулеметного взвода, помощником начальника штаба. Дважды ранен. Освобождал Белоруссию, Польшу. Участвовал в боях на территории Австрии и Германии. Оставил победную роспись на поверженном Рейхстаге. Награжден орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, медалями «За взятие Кёнигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 годов».

В 1969 году принят в Союз художников СССР и тогда же начал участвовать в выставках. Награжден грамотой МОСХ РСФСР, дипломами Комбината декоративно-оформительского искусства МГО ХФ РСФСР.

Основные монументальные работы: реставрация и роспись трапезной Богоявленского (Елоховского) кафедрального собора (1947. Москва), мозаика «Н. Э. Бауман» (1969. Москва, МВТУ им. Н. Э. Баумана), 17-метровая мозаичная стела «В. И. Ленин» (1967. Москва, развилка Каширского и Варшавского шоссе), мозаика на фасаде ДК (1968. Пермь), живописные полотна «Крестный ход в Москве в 1941 году», «Молебен о победе Русского воинства у храма преподобного Сергия Радонежского в Москве в 1941 году» и другие.

Оставленные потомкам воспоминания о детстве и о Великой Отечественной войне, рисунки, сделанные отцом за четыре года фронтовых дорог в походном блокноте, я, сын художника-фронтовика, считаю своей обязанностью опубликовать в память о защитниках Отечества.

Вадим Викторович Титов

НТБ МГТУ им. Н.Э.Баумана
2080731
Титов В.А. Тысяча дней и н

МГТУ
им. Н.Э. Баумана
Библиотека

Воспоминания о детстве

Первое впечатление. В какой-то праздник взрослые садятся за стол и, чтобы освободиться от младенца, ставят меня в перевернутый табурет. Как сейчас вижу красный перевернутый табурет, в котором я стою, и луч солнца из окна. Я как будто на все смотрю сверху, вижу и себя, и всех, сидящих за столом. Но я никого не знаю в лицо.

Второе впечатление. Мне года два. Ранним утром взрослые уехали в поле и меня оставили около дома, предупредив, чтобы не подходил к собаке, которая жила под крыльцом и была очень злая. Оставили мне кусок хлеба. Вкусен был этот хлеб, просоленный моими слезами. И «песнь» красногрудых ласточек в небе до сих пор слышится мне. Съев сразу весь хлеб, который мне оставили на день, я заскучал и к тому же замерз (была весна, наверное, май 1924 года). Я подошел к собаке. У нее под крыльцом было сухо и тепло. Я залез к ней, лег рядом, согрелся и заснул. Когда приехали взрослые, стали искать меня. Меня нигде не было. Они не сразу смогли меня найти. Когда нашли, я спал. Собака никого не подпускала ко мне, пока я не проснулся. Как об этом недавно вспоминал двоюродный брат (он на девять лет старше меня), они меня громко звали и просили вылезти из-под крыльца.

Другие впечатления. Осенью взрослые уезжали в поле на работу, а меня оставляли на улице. Я замерзал донельзя. Меня брали к себе соседи Агапкины. Их дочери отогревали меня на русской печи. Там было тепло.

Зимой меня нельзя было оставить на улице, поэтому, когда ехали в лес на заготовку дров — взяли с собой. Меня закрыли тулупом, говоря при этом: «Чтобы волки не напали». Для заготовок приходилось уходить далеко от телеги.

Помню кузнеца деда Илью (родного брата деда) и как дед Илья в кузнице рассказывает мне русскую народную сказку про зайца и лису.

У хромого сапожника Спиридона в мастерской я пел песню «Старый барабанщик» и стучал сапожным молотком по «лапе».

Афанасий Архипов с зятем Андреем Шуваловым. *1910 год*

Родом я был из села Мышкино, а матушка моя — из деревни Бобынино, из рода Архиповых. Дед Афанасий имел за домом мастерскую и выделывал овчины для шуб. Овчины, выделываемые дедом, славились своей мягкостью. В семье были два сына — Иван и Василий, которым дед дал какое-то образование. Затем Василия в империалистическую войну призвали в армию. В то время присягали царю, но Василий с товарищем

Василий Афанасьевич Архипов (слева). *1915 год*

Витя Титов с мамой Серафимой Афанасьевной. *1925 год*

запели «Марсельезу». Их отправили на фронт. После газовой атаки Василий попал в плен в Австрии. После революции он работал на заводе «Красный факел» начальником ОТК. Архипов Василий Афанасьевич, старый член партии, умер 20 лет тому назад.

Моя матушка, Серафима Афанасьевна (1895 года рождения), была младшей дочерью в семье. Когда ей исполнилось 8 лет, их мать умерла. Матушка мне рассказывала, что бабушка ослепла (наверное, от давления). Когда она говорила об этом, то гладила меня по голове и плакала.

Мать была очень красивая, из старинного русского села, из богатой семьи. Ее шестнадцати лет взял в жены Титов Александр Михайлович, мой отец. Я был третьим сыном — два первых умерли младенцами. Отец жил и работал в Москве. Он был членом партии, ходил с наганом. Однажды, приехав из Москвы в отпуск, потерял наган и говорил, что его накажут, но мать, по счастью, наган нашла.

Мать жила у своей свекрови в селе Мышкино. Свекровь была жадная, и матери приходилось не сладко. Когда мне исполнился год, у отца появилась вторая семья в Москве, и мать перешла к сестре, жившей в том же селе. Изредка меня водили к бабке. Помню ее, но не помню деда Михаила. Говорят, он был очень добрый и любил меня.

В 1923 году матушка уехала в Москву воспитательницей детей в одну семью. Когда семья на два года переехала в Крым, мать в течение этих лет не могла видеться со мной. В 1925 году, наконец, она приехала в село, где я жил. Помню, как это было.

Мы с двоюродным братом Павлом пошли за водой на речушку. Когда стали подниматься в гору, я попросил Павла понести мое ведро. Мы были уже на вершине, и Павел вдруг сказал: «Смотри, твоя мать приехала». Подходим к какой-то женщине, а я не могу понять — знаю я ее или нет. Павел поздоровался с ней. Я — тоже. Когда вернулся домой, взрослые стали просить называть ее матерью. Но я забыл родную мать. Я привык называть матерью ее родную сестру и сказал, что у меня мать уже есть. Подумав, стал называть незнакомую женщину Симой, как и все остальные. Это вызывало слезы на глазах у моей бедной матери. Все попытки взрослых заставить меня называть Серафиму матерью не привели к успеху. Тогда они сказали: «Смотри, сколько подарков она тебе привезла, сколько радости! Называй ее Радостью». И стал ее звать так. Через некоторое время мать уехала обратно к своим хозяевам в Москву. Позже она попросила папу привезти меня к ней.

Помню на станции паровоз. Живое чудовище, окутанное облаком дыма. Я все время с удивлением и страхом думал: «Как можно садиться в такое чудовище?». Мы подошли к «сараю с окошками на колесах» (вагону) и сели в него. В вагоне был полумрак, но в середине горел тусклый свет. Взрослые освободили мне нижнюю полку. Отец положил что-то мне под голову, и я заснул. Сквозь сон я слышал рассказ отца, что он везет племянника к родной матери.

Первая тревога

Перед войной все мы жили в ожидании чего-то страшного, надвигающегося, чего невозможно было избежать. Вокруг говорили: «Мы будем воевать на чужой территории! Своей земли — ни пяди не отдадим!». Звучали песни: «Броня крепка и танки наши быстры!», «Если завтра война, если завтра в поход, мы сегодня к походу готовы!» Находились и такие, что говорили о сильной, технически оснащенной современной армии Германии, о том, что немцы «шутя» победили Францию.

22 июня 1941 года. Москва. Был прекрасный летний день, светило солнце. В 11.00 все решилось объявлением по радио о начале войны.

Мне и моим товарищам было по 19–20 лет. Маткову, Леонтьеву, Боброву Володе, Шолохову Сергею — по 18, Дорогутину Николаю — 20, Гуськову Алексею — 21, а Куренкову и мне — 19 лет. Я побежал к другу, у которого собрались однокашники. Мы все вместе пошли за водкой, но в магазины нельзя было зайти: толпы народа скупали буквально все.

Пробегая мимо закрытого храма Сергия Радонежского, заметили, что на Андрониковской площади (ул. Ульяновская, сейчас Николоямская) стоит толпа. Я приостановился и спросил: «А почему здесь собрались?» Мне ответили, что служат молебен «О победе русского воинства». И это — через 30 минут после объявления войны! Перед забитой дверью храма стоял священник и творил молитву. На двери храма висела икона. Через неделю в райкоме на Таганской начали формировать ополчение.

21июля 1941 года. Я проснулся от шума у соседей в четыре–пять часов утра. Поднялась какая-то тревога. Посмотрел в окно и увидел огоньки разрывов зенитных снарядов. Я был уверен, что это тренировка ПВО.

22 июля 1941 года. Двенадцать или час ночи. Первый реальный налет немецкой авиации на Москву.

Во дворе дома много народа, все волновались. В воротах стоял военный. Недалеко от него я заметил машину с боеприпасами. Военный говорил всем, что если в машину попадет бомба, то все вокруг разнесет — будет сильный взрыв.

Было интересно посмотреть на Москву с крыши высокого дома, и я побежал на угол Большой Рогожской и Факельного переулка Таганки. С крыши четырехэтажного дома была видна вся панорама. В перекрестных лучах прожекторов хорошо заметны летящие самолеты немцев, где-то виднелись разрывы бомб и столбы дыма. После отбоя воздушной тревоги, часов в пять–шесть, я поехал посмотреть окрестности. Оказался разрушенным Зацепский рынок (крыша рынка была стеклянной), и еще дымила какая-то постройка с правого края рынка. На Садовом кольце в районе Киевского вокзала возвышался шестиэтажный дом, один край которого был срезан взрывом бомбы. На развороченных остатках стен висели вещи, находившиеся в комнатах: коляски, велосипеды, картинки и обрывки обоев. Впечатление было жуткое.

Белев

12 августа 1941 года с повесткой на призыв в РКК, явился я в районный военкомат Ростокино. Меня сопровождал мой лучший друг Сергей Гуськов. В военкомате узнал, что зачислен в особую команду. Мне предложили посидеть во дворе, подождать, пока соберется команда. <Сергей вскоре ушел на работу.> Военкомат находился в парке им. Калинина около ВСХВ, где впоследствии был построен дом гениального конструктора Королева. Просидел я там до вечера, пока не вышел начальник военкомата и сказал: «Слушай, тебе повезло, команда не собралась. Ты можешь еще ночку пробыть дома. Завтра утром к 8 часам быть здесь».

Мне стыдно было возвращаться домой — ведь во дворе все видели, что я ушел в армию. На следующий день, уже рано утром, я был на призывном пункте. Быстро собралась команда человек двадцать, и сержант сопровождения повел нас на Курский вокзал. Сели в вагон. Слезы, объятия.... У всех на устах одна мольба: «Вернись, только вернись! Живым, невредимым». Всех провожают. Всех, кроме меня. Просто некому меня проводить — вот и все. Моя мать умерла, когда мне было 14 лет, друг — на работе, отчим тоже, любимая девушка в эвакуации. Я достал бутылку водки и пригласил желающих. Проехали мимо Андрониковского монастыря, около которого я жил. Сопровождающий пояснил нам, что едем в город Белев, на спецкурсы диверсантов. Ночью эшелон без огней пришел на станцию Горбачи. Темно, ничего не видно. Расположились у телеграфного столба на рельсах до утра. Утром сели в поезд на Белев. Старшие бахвалились своей «бывалостью». Вдруг паровоз дал тревожные гудки. Эшелон остановился. Раздались крики: «Авиация!» Все выскочили из вагонов. «Храбрые» и «бывалые» побежали прочь от состава по открытому полю. Я, выскочив из вагона, решил, что лучше остаться в кювете вдоль дороги. Самолет пролетел. Старшие вернулись к вагонам, как побитые щенки.

В Белеве подбор, в основном, был из одних москвичей, студентов высших учебных заведений. Вечерами развлекали друг друга как могли. Инициативу взял один студент-старшекурсник с истфака МГУ. Он пересказывал нам «Илиаду» Гомера. Мы что-то пели хором. Студент разбивал поющих по голосам.

Пряники

В школе диверсантов нас обучали взрывному делу. Мы бегали по наплавным дорожкам через реку Оку. Обмундирования не дали — мы ходили в своем, гражданском. Домашние припасы быстро кончились, да и курить было нечего. Я очень мучился от желания курить, но просить было неловко. Увидев закуривающего парня с четвертого взвода, с мучительным чувством я попросил дать мне закурить. Он дал совершенно спокойно. Леонид Рудовский оказался тоже из Москвы. Так мы познакомились и подружились, и все шесть месяцев я делился с ним всем, что мог достать.

Однажды наш взвод был в наряде. Как-то нас, двоих курсантов, послали в пекарню за хлебом. Было холодно. Мы зашли в цех, чтобы согреться. Молодые девчата из пекарни начали с нами заигрывать и бросать в нас пряниками. Мы ловили пряники и, отвернувшись, с жадностью ели, а в девчат бросали поднятые с пола. Подошла одна девушка, неся в подоле пряники. Я ей сказал, что ночью еще приду: «Дашь пряников?» — «Приходи!». После наряда, как только прозвучал отбой, я взял наволочку от подушки и, минуя охрану училища, пошел по городу, в котором всю

ночь сновали военные патрули. Подошел к пекарне, но пекарня охранялась. Я пролез через забор и прошел в цех, к девчатам. Там я вдоволь нацеловался. Девочки набили мне полную наволочку пряников и я, проследив за охраной, пролез через забор и вновь прошел по патрулируемому городу, через охрану училища и всего за полчаса до подъема принес пряники. Я просил разделить их на весь взвод поровну, пока я еще с полчаса посплю. Главным для меня было одно: чтобы осталось и для Леонида. С Леонидом мы всегда встречались как старые друзья. Потом, в Рязани, в самоволке, мы познакомились с одной девушкой и попросили ее с нами сфотографироваться для наших родных. Фотография эта и сейчас цела.

Диверсант

Днем я любил сидеть на холме, во дворе местного училища. С собой в армию я взял альбом и карандаши. Сидел, рисовал. Как-то ко мне подошел высокий, стройный человек в форме, похожей на форму старшины.

— Что делаешь?

— Рисую.

— Нарисуй мне училище.

— Не буду. Давай, я лучше тебя нарисую.

Портреты я рисовал хорошо.

— И похоже будет, а?

Он сел рядом. Я стал рисовать. Немного помолчав, военный продолжил разговор.

— Ну, как думаешь, по-твоему, кто победит?

— Победим мы!

— А ты знаешь, что немецкая армия лучшая в Европе. Немцы Францию взяли, Чехословакию.

— Да. Ну и что! Мы победим!

Военный занервничал. Тут я почувствовал, что он мне сотрудничество с немцами предлагает!

— Да ты кто?!

— Я? Немец. Из поволжских немцев.

Тут я заметил, что у моего собеседника отрублена фаланга большого пальца на кисти левой руки.

— Немецкая авиация самая совершенная и она победит! Советская армия уже разбита. А сейчас немецкая авиация готовит налет на Белев!

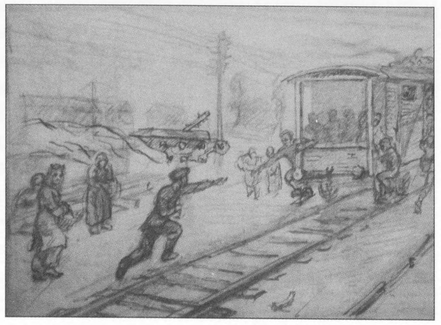
— Победим! Все равно!

Старшина разозлился.

— Много здесь диверсантов. Вставай! Пойдем в комендатуру!

Он в форме, а я в гражданском. Мы идем, он встречным заявляет, что вот задержал диверсанта и ведет в комендатуру. Внезапно вокруг началась паника, налетела немецкая авиация. Мы остановились около какого- то дома. Старшина поставил меня к столбу.

— Стой здесь!

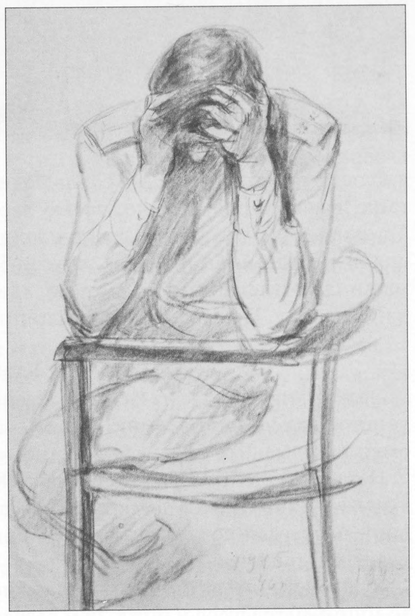
Он зашел в калитку за забор, и я с ужасом увидел, как он стал целиться через щель в заборе в меня. Я молниеносно нырнул за столб и бросился бежать что есть сил, постоянно меняя свое направление, чтобы столб мешал линии прицела. В это время начался обстрел немцами. Паника усилилась. Я, чуть живой, прибежал в расположение на территорию училища. Командир подразделения

как раз зачитывал приказ. Все курсанты нашей группы должны были прибыть в Рязанское пехотное училище им. Ворошилова. Не прибывшие будут считаться дезертирами. Мы все бросились на железнодорожную станцию, там уже отправлялся эшелон. Прибежав, увидели, что к паровозу прицеплены открытые платформы для кирпича. Забрались на платформы. Тесно так, что можно было стоять, держась друг за друга. Поезд тронулся. По эшелону из ближайших кустов началась стрельба. С этого момента все завертелось передо мной как в калейдоскопе. Мы приехали на ту самую станцию, где умер Лев Толстой. В здании станции уже был организован госпиталь. Подвозили раненых. Последнее, что осталось в моей памяти: хорошенькое лицо молодой медсестры.

Донос

В 1941 году из Белева я своим ходом попал, наконец, в Рязань, в пехотное училище им. Ворошилова. Подбор был пестрый, в основном, из высших учебных заведений Москвы. Никто не хотел быть военным. Думали, что война не задержит их надолго.

Для зачисления курсантом училища требовалось личное согласие, но никто не хотел давать согласие стать курсантом. Когда на приеме у начальника училища, полковника Гарусского, спросили и моего согласия, я ответил, что хочу быть художником, а долг перед Родиной готов выполнить рядовым. Начальник училища ответил, что Родина требует, и я уже зачислен курсантом училища.

Подъем в 5 утра. Туалет, зарядка, занятия, завтрак. Выпал первый снежок. Все выбежали во двор в нательных рубахах. Снег первый, белый, чистый. Прохладно. Все ежатся. Меня с детства матушка приучила делать обтирания холодной водой, а зимой снегом. Я снял рубаху и стал обтираться. Когда пришло время идти на завтрак, меня сзади кто-то из курсантов спрашивает:

— Ну, ты пойдешь в санчасть?

Я обернулся, но не смог определить, кто спросил. На следующий день перед завтраком тот же вопрос, и я понял, кто спрашивает.

— Нет, — говорю, — мне незачем.

На третий день вызывает меня наш командир взвода лейтенант Кузнецов.

— Титов, ты обтираешься снегом?

— Да.

— Но ты можешь заболеть.

— Я никогда не болел. Матушка приучила обтираться снегом.

— Я тебя понимаю. Но если ты заболеешь, твои обтирания примут как самострел! Тебя расстреляют перед строем. Я тебе советую: не растирайся ты больше снегом, а то мне надоело читать на тебя доносы.

После войны, когда мы, бывшие курсанты, встретились, я рассказал этот случай. Тот, кто меня окликал словами «А ты пойдешь в санчасть?», помолчав, спросил:

— А он, лейтенант, сказал тебе фамилию, кто писал?

Мне все стало ясно.

Русские камикадзе

1941 год. В конце сентября — начале октября Рязанское пехотное училище эвакуировалось из Рязани. На шоссе Москва—Рязань выставили арьергард, взвод курсантов-пулеметчиков, в числе которых был и я. Маршем взвод вышел из Рязани в сторону Москвы. Прошли элеваторы у Рязани и, обходя, вышли на шоссе. Взводу была поставлена задача: не пропустить немецкие танки. На занятом рубеже курсантам выдали кому — связку гранат, кому — бутылку с зажигательной смесью. Наш командир взвода, лейтенант Кузнецов, спросил меня:

— Хорошо бегаешь?

— Хорошо,— отвечал я.

Мне дали две деревянные пробки 30—40 см и киянку. Задача была: догнать проходящий танк и забить пробку в его выхлопную трубу.

— Подойдет ли пробка по диаметру? — спросил я.

Лейтенант ответил, что все сделано как надо.

— Ты только подпусти поближе,— добавил он, — и когда танк пройдет, ты тут же вскочи и забей пробку в выхлопную трубу. Тогда мотор заглохнет, танк остановится и вылезут танкисты. У тебя есть винтовка. Только ты подпусти поближе и не выскакивай раньше, чем танк поравняется с тобой.

И вот мы легли в кювет у дороги на расстоянии 30—50 метров друг от друга. Одну пробку я заткнул за пояс, другую взял в левую руку, а в правой руке зажал киянку. Нас замаскировали ветками. Двое суток пролежали мы в придорожном кювете. Вставали только поесть, а затем опять ложились в засаду. Будучи москвичом, я не мог допустить даже мысли, что немецкие танки войдут в мой родной город. Лежа в кювете, я двое суток проигрывал в голове один и тот же план: как только подпущу танк, выскочу и, конечно, забью деревянную пробку в выхлопную трубу. Танков мы не дождались. Наступление на Москву было остановлено, и нас сняли с засады. Но и теперь, спустя 50 лет, когда близко от меня проходит машина, я инстинктивно смотрю, где выхлопная труба и можно ли забить в нее пробку. Правда, форма выхлопных труб теперь не та.

Кузнецов

Эвакуация училища из Рязани в Иваново проходила пешим маршем по 45 километров ежедневно. Помню привал, на котором оставил варежки, потому что были тяжелые. Что бы еще выбросить, чтобы было легче?

На пятый день марша лейтенант Кузнецов сказал: «В этом доме будет дневка». Никто не мог подняться. Ползли в дом один за другим. Помню только шинель впереди ползущего и плач с причитаниями хозяйки дома: «Вот и мой, наверное, так же!»

В Иваново, куда было эвакуировано училище, когда морозы опустились до минус 40 градусов и ниже, нам разрешили проводить занятия в помещении, но командир взвода лейтенант Кузнецов решил с нами позаниматься строевым во дворе.

Через некоторое время курсанты стали кричать, что замерзли, но только когда лейтенант отворачивался. Когда же он поворачивался и спрашивал: «Кто замерз?», все молчали. Тогда Кузнецов предупредил, что тот, кто так кричит, если только у него не обморожены ноги, получит три наряда вне очереди. Он сказал: «Вот, смотрите: у меня хромовые сапожки, мне холодно, но я хожу, и у меня нагрелись ноги! Строевым!». Мы пошли — и опять крики. Лейтенант остановил взвод:

— Кто кричал?

— Я! У меня ноги отморожены! — отвечал я, так как все молчали.

— Пойдем за мной в подъезд!

В подъезд за нами побежали еще трое курсантов. Все мы разулись. Ноги ни у кого отморожены не были. Мы перевернули портянки другим концом и побежали обратно в строй. Лейтенант остался в подъезде, наверное, проверить свои ноги. Через некоторое время он вышел и дал команду: «В расположение». На следующий день мы узнали, что лейтенант отморозил ноги. Его судили, выгнали из партии и направили в маршевую роту. Я очень жалел его, так как знал как честного человека. Я помнил, как он не давал мне растираться снегом. Теперь же его самого судили только за то, что он отморозил несколько пальцев на ноге, не нарочно, а на занятиях строевой с курсантами. Ведь он ходил в хромовых сапожках и, наверное, в одних носках, не то, что курсанты — в кожаных сапогах и с двойной портянкой.

На стрельбище

Однажды на стрельбище в городе Иваново наш взвод занимался тактикой на огневом рубеже. Температура была минус 42 градуса. У Леонида Рудовского на огневом рубеже забарахлил пулемет. Поступает команда: устранить задержку в рукавицах. Не устранили, и Ленька снял варежки. Вскоре пальцы у него побелели, он стал их растирать и, видя свое бессилие, заплакал. Я подошел и стал растирать Леньке пальцы, успокаивая его, а сам отморозил свои.

В этот же день на занятиях по тактике очередной курсант, проводя занятие, не мог подать по уставу команду, и мы продолжали лежать на снегу, скрывая лицо от ледяного ветра. Я приник ближе к снегу, а когда встали, то почувствовал тепло на щеках. Командир взвода заметил, что у меня отморожены щеки:

— Беги в деревню! Отогревайся!

Когда прибежал в деревню, оказались отмороженными не только щеки, но еще нос и подбородок. До весны ходил в болячках, а в санчасти мне дали маленькую баночку гусиного жира.

Холод и голод

В Рязань из Иваново мы возвращались по железной дороге, и трое суток нас не кормили. На каждой станции из вагонов выбегала толпа голодных курсантов, чтобы достать что-нибудь поесть. Бегущая по поселку толпа постепенно редела, так как каждые первые три—четыре человека забегали в очередной дом.

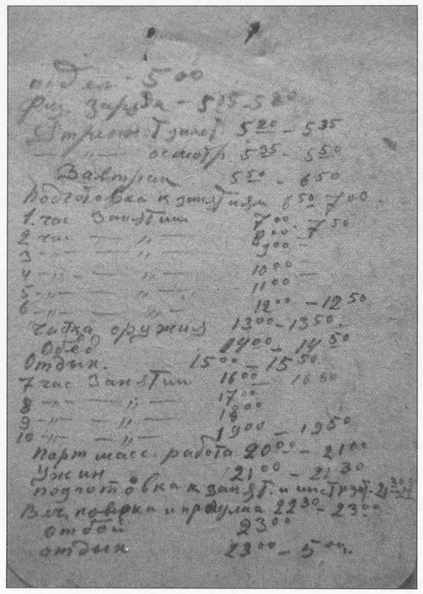
Наконец, очередь дошла и до меня. Забежав в дом, в сенях я увидел большой чугунок с вареной в мундире картошкой (наверное, для скота). Пробежав внутрь, попросил у хозяйки что-нибудь поесть, но хозяйка, схватившись за коромысло, стала размахивать им передо мной. Не ожидая ничего хорошего, я повернулся прочь из дому, так что коромысло опустилось на следовавших за мной. Быстро подбежал к чугунку и начал распихивать картошку по карманам. Хозяйка опять стала бить меня вдогонку коромыслом. Так, каждый день, с очередного эшелона по поселку бегала толпа голодных курсантов. Всех голодных не прокормишь, поэтому местные отчаянно отбивались от курсантов, чем могли.

На очередной станции, «проверяя» грузовые эшелоны, обнаружили зерна ржи. Набрали полные котелки ржи и стали её есть распаренной. Тут прибежал один из курсантов и сообщил, что нашел вагон с пшеницей. Мы высыпали оставшуюся рожь и наполнили котелки зернами пшеницы. Сытые

и спокойные, под стук колес, мы заснули на нарах. У буржуйки остались лишь дневальные и «энтузиасты». Распаренная пшеница больше не лезла в горло, но чувство голода не проходило. И тогда я вспомнил про маленькую баночку с гусиным жиром от обмораживания. Я смазал им крышку котелка и начал жарить распаренную пшеницу. По теплушке разнесся восхитительный запах жареного. Проснувшиеся курсанты потянулись с нар к буржуйке.

— Витя, дай попробовать!

Каждый брал себе несколько зерен и наслаждался.

По прибытии в Рязань обнаружилось, что помещение училища не отапливается, так как батареи от мороза полопались. На складах в городе продуктов не было, и в строю начались голодные обмороки. Как-то шли мы по городу строем, и вдруг курсант Романов, тихо вскрикнув, упал. Строй расступился, но курсант остался лежать на дороге. Раздалась команда:

— Курсант Титов, выйти из строя и принести Романова в расположение.

Мы подбежали к Романову и, пока он не пришел в сознание, потащили его, как нам показалось, в самый богатый дом. Затащив его внутрь, положили на пол посередине комнаты и крикнули хозяевам:

— Нужно покормить! Голодный обморок!

Нам ответили:

— Милые, мы эвакуированные, у нас ничего нет! Вот напротив — живут богато!

Опять схватили Романова и быстро потащили через дорогу, где нас и в самом деле накормили. Когда Романов начал приходить в себя, то он, к нашему удивлению, за стол не сел, а просто попросил пить. Оказалось, что помня голодный поход из Иваново в Рязань, решил экономить и откладывал на дорогу масло в баночку. И вот эту баночку у него украли.

Письмо брату Павлу

Рязань. 15 марта 1942 года

Здравствуй, дорогой и любимый брат Павлик! Шлю тебе свой сердечный привет с пожеланием тебе доброго здоровья.

Павлик, на днях получил письмо из Свердловска, из которого узнал, что ты лежишь в госпитале. Павлик, прошу: крепись, выздоравливай, восстанавливай силы.

На фронте я еще не был. Окончил Рязанское пехотное училище. Сегодня присвоили звание лейтенанта и направляют в часть. Место направления не знаю. Жди письма с дороги. Выздоравливай.

Твой брат Виктор Титов.

Текст, написанный карандашом между строк письма, скрытый от военной цензуры: «Я в боях на фронте еще не был, но скоро предвидится. В армию призвали и направили в Белев. Из Белева нашу группу студентов из Москвы перевели в г. Рязань. Я попал в пулеметный взвод. Выпущен командиром пулеметного взвода. Как прибуду на место, напишу. Найди мой адрес и обязательно напиши мне о своем здоровье и дай советы».

Сурок

Март 1942 года. Учебный лагерь Суслонгер, куда я был отправлен для формирования после получения звания лейтенанта. Взвод 100 человек. Поверка. На телогрейке — кубики (знаки командира) нарисованы чернилами. Ботинки без обмоток. Мари и татары. По два сидора с сухарями. Первый обед — чечевица с песком.

Куликово поле

Наша часть № 406 ОПАБ (отдельный пулеметно-артиллерийский батальон) формировалась в лагере Сурок Марийской АССР. Рядовой состав был призван из местных жителей, поэтому 50 процентов составляли марийцы и татары. С апреля 1942 по 1943 год я был командиром пулеметного взвода, перекрывавшего переправу через мост при слиянии реки Непрядвы и реки Дон у деревни Куликовка перед Куликовым полем. Перед знаменем части я становился на колено, целовал край знамени и давал клятву, что назад не отступлю. Ни шагу назад — за нами Москва. Это был самый левый фланг М.З.О. Со мной в одном ряду стояли коленопреклоненные солдаты взвода: русские, татары, марийцы, чуваши, украинцы. Перед Куликовым полем русские вместе с татарами клялись, что с этого рубежа не отступят. Для того чтобы жить дальше, мы имели право идти только вперед.

Как сейчас помню состав взвода:

1. Антонов — русский.
2. Ванюшечкин — русский.
3. Андронов — русский.
4. Елачик — русский.
5. Чуфаров — русский.
6. Салимов Хаким — татарин.
7. Ижболдин — татарин.
8. Байгозин — татарин.
9. Мухомедзян — татарин.
10. Копотиенко — чуваш.
11. Чемеков Ив. Ив. — чуваш.
12. Струтинский — украинец.

В апреле 1943 года нашу часть перевели на Курскую дугу под Малоархангельск (Ивань-1, Ивань-2), где я со своими солдатами также давал клятву «Ни шагу назад». Такую же клятву впоследствии давали и в Белоруссии за Днепром.

Из фронтового дневника*

28 августа 1942 года

Под сном и дремотой уж больше года я хожу. И сердце не бьется, бурля. Ушел я от жизни, и сном все покрылось, а сердце щемит иногда о былом, о счастье по той светлой, бурной и чистой любви.

Сейчас 28 августа 1942 года. Я лейтенант, командир боевого охранения, нахожусь на задворках центра ... с Тульской области на Дону. Но нет, не на том Дону, который я себе представлял. Это нечто другое. Не на широком, бушующем, своенравном и тихом гордеце казаков. Нет. Какой-то ручей из мутной лужи еле движет грязью своей. Это, скажешь, может быть не достойно для него, и это не так. Но я не могу, когда ошибаюсь в своих предположениях. Горечь, ошибки всегда увеличивают все отрицательное так, что это даже может перейти и в оскорбление.

Место моего расположения — овраг, частью заросший кустарником. Когда-то здесь были приличные деревья, но теперь их спилили и — одни кусты. Кругом луга. Фронт слева. Дон течет тихо, спокойно. Своей ..., а теперь совсем остановился. Вниз по течению... Я стою на правом берегу его. Передо мной поле

**Утерянные места на листках дневника заменены многоточием.*

скошенной гречи — как крошки в щах мягкого, тепловатого ... Дальше, метрах в восьмистах от деревни, которая примечательна тем, что куролесит вокруг оврага, есть одно сладкое место, пчельник у одного из крестьян. И теперь жду с нетерпением и с появлением слюны во рту при воспоминании, что первого числа снова можно будет поживиться котелком меда. Пройдешь один край деревни — овраг, где обычно ходят стаи гусей и уток, плавающих в ручейке, а затем — второй край деревни, как выходишь на дорогу, довольно приятную (потом расскажу про ее приятность). Так приходишь в совхоз и деревню Орловку, вечно манящую белым пятном своей церкви. Здесь приятным и четким островком раскинулось обширное село. Следующая деревня – Донские озера, вправо – Полевые озерки, а километров за двадцать от нашего исходного места за речушкой уже пойдет Рязанская область. Как-то, в одну из разведок, доходил я до той речушки, где призывно на другом берегу тянул к себе винокуренный завод. К сожалению, конечно, он был закрыт. Там, где-то километров за пятнадцать по ту сторону Дона, есть еще один, где можно поживиться, но это сопряжено с риском, так что сразу не решишься.

Итак, я описал, что перед фронтом моим было по правую сторону Дона и мне знакомо. По левую сторону реки скучно: чередуются по берегу реки деревни Пяново, Почит, Подмоклово, а там черт их знает. Только разве в 15 км — спиртзавод может привлечь и привлекает всех.

Стою я в этих местах больше четырех месяцев, а в этом Куркинском овраге — больше месяца. Место очень скучное, куда не повернешь — кругом поля да сереют деревеньки. Сзади, в тылу, наверху, по левую сторону Дона, немного западнее, маячит памятник в честь Куликовской битвы.

Только что совершенно неожиданно получил приказ на отход.

Артобстрел

На белом берегу Днепра лежали мои мертвые товарищи. Атака захлебнулась. Среди убитых я пролежал с 12 часов до вечера...

Январь 1943 года. Правый берег Днепра за Гомелем. К нам пришло пополнение, и немцы засуетились — в небе появился бронированный самолет-разведчик «рама», как мы его называли. Накренился набок, открылась дверь, и я увидел, что наш район фотографируют. У меня был только пистолет. Я помахал рукой, приговаривая: «Видали мы вас!». За мною шел солдат, прибывший в мое расположение с тем условием, чтобы он всегда сопровождал меня. «Рама» поднялась выше. Огонь артиллерии. Впереди, метрах в тридцати перед траншеей, по диагонали стремительно опустилось что-то темное, похожее на бревно. Я вытянул шею, чтобы рассмотреть. Земля поднялась бугром и затем клочьями с огнем разлетелась во все стороны. Я понял, что видел след падающего снаряда. Интересно, видят ли артиллеристы след при выстреле? Я оказался на линии огня. Снаряды ложились позади и перед траншеей. Мы с солдатом лежали на дне. Ну, теперь попадут точно. Снаряд разорвался в двух метрах от меня. Осколки пролетели надо мной плашмя. Внутри у меня что-то безумно прыгало то в пятки, то в голову. Было только одно желание — вскочить и бежать куда-нибудь. Я собрал в кулак всю свою волю, чтобы удержать себя на месте. Осколки пролетели. Минута тишины. Я привстал, успев перекреститься, и вдруг услышал нарастающий шелест. Осколки, летевшие вверх, начали сыпаться вниз. Я ничем не был не защищен. Ложиться было бесполезно и даже опасно. Я сел и накрыл голову руками. Осколки величиной с палец, кружась, как волчок, падали, и от них исходил пар. Я в ужасе ждал — куда же упадет следующий? Славу Богу! Пронесло! Немцы были удовлетворены. Участок пристрелян хорошо. «Рама» ушла.

Я встал, отряхнулся, шепча: «Помоги, Господи!». Но неспроста ведь пристреляли наш участок: значит — жди гостей. Где же у меня слабое место? Слабым местом была дорога, не перекопанная траншеей, без огневой точки. Я поставил туда на ночь бойца из пополнения. Смеркалось. Вдруг услышал

окрик солдата. Подошел и спросил, что случилось. Солдат ответил, что только что заметил мелькнувшие в темноте три человеческие фигуры. Когда он крикнул: «Стой, кто идет?», фигуры повернулись и ушли обратно. Я тут же дал сигнал: «Огонь всем!» Четыре пулемета и стрелки открыли огонь. Ответила немецкая артиллерия. Снаряды ложились точно по району, но немного за траншеей. После каждой артподготовки я вскакивал со дна траншеи и давал осветительную ракету, чтобы немцы не смогли подняться для прыжка в траншею. Как только прекратился огонь артиллерии, я вновь вскочил дать осветительную ракету. Сержант Демьяненко схватил меня за руку: «Ой, не стреляй, а то опять будет бить артиллерия!». Я дал хук левой, сержант упал, и я дал осветительную ракету. На выстрел полетел рой пуль по всей траншее. Немцы прочесывали пулеметным огнем так, что нос не высунешь, и не могли высунуться из кустов на освещенное место. И это было бесконечно! Но вдруг мы увидели взрывы перед нашими траншеями. Радость! Наконец-то и наша артиллерия подала свой голос, и очень удачно. После этого все затихло. Я побежал по траншеям. Пулеметы были разбиты. Два солдата легко ранены (Чуфаров и Демьяненко). В соседнем опорном пункте сосредоточилась разведка для поддержания нашего района. Стало светать. В голове шумело, к горлу подступала рвота. Напряжение спало, и я, не выдержав, отключился минут на пять. Проснувшись, попросил солдата полить мне воды — умыться и с риском вылез из траншеи, зная, что кусты с фронта загораживают меня от немцев. Траншея так надоедает, что идешь на риск ради того, чтобы на пару минут выйти из нее. Я увидел в предрассветном тумане приближающиеся фигуры и бросился к пулемету, крикнув солдату: «Что не стреляешь?!». «Это наша разведка», — ответил солдат. Я вылез из траншеи, перешел минное поле и подошел к разведчикам. Три немца были разорваны снарядами в клочья, несколько кровавых следов остались от раненых, которых немцы смогли утащить с собой.

Я хотел поблагодарить артиллеристов за хорошую работу, но оказалось, что наши артиллеристы не открывали огня (лимит снарядов). И тогда я понял, что во всем виноват обратный скат траншеи. Мы занимали траншеи, когда-то вырытые немцами, и хороший обзор и обстрел был только в тыл, а спереди у нас был сад. Разрывы снарядов немцам не были видны, так как они падали за обратный скат, и немецкая разведка попросила своих артиллеристов перенести огонь поближе, таким образом, они накрыли последним залпом своих.

Утром пришли начальник штаба Барановский и комиссар Брагин. Они похвалили:

— Молодец, Титов, пиши наградные!

— Да за что? Что мы сделали?

На следующий день пришел начальник «Смерша» Алейников.

— Титов, ты переговаривался с немцами?

— Как? Я им рукой грозил!

— Ты им рукой сигнал подавал, и немцы пришли.

— Пришли, а мы их перебили.

— Это так специально делают, когда от себя подозрения отводят.

— Алейников, не ищи ты здесь врагов, их здесь нет!

Начальник штаба с комиссаром получили по ордену Отечественной войны, солдат- соглядатай, которого я ударил, получил медаль. На меня послали наградную на медаль «За отвагу», но я ее так и не получил. Не знаю, почему.

Лагеря в Белоруссии

«Товарищ генерал майор, по вашему приказанию группа автоматчиков в составе 100 бойцов прибыла»,— доложил лейенант. Титов.

После доклада о маршевом броске в 75 километров под г. Мозырь, я покачнулся и привалился к стене. Ноги подкашивались. Нас не бросили с марша в бой.

Март 1944 года

Из письма любимой девушке

«Здравствуй, моя дорогая!

Сколько хороших чувств поднимается при воспоминании о милой Женечке. Твоя улыбка, волосы и плечи так часто снятся мне.

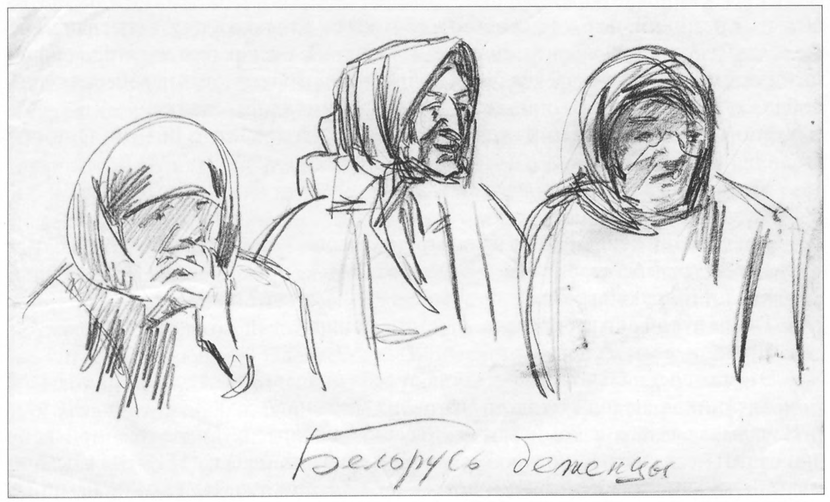
На днях освободили три лагеря гражданского населения. Зрелище, которое предстало перед нами, неописуемо. Сорок тысяч в болоте, обнесенном колючей проволокой и минным полем. Дети, женщины, старики, умирающие с голода, безразличные к жизни и смерти. Многие подрывались на минах. Обессиленные падали и умирали на дороге. Матери бросали своих детей. Дети, стоящие у трупов матерей. Весь путь трехдневного шествия усеян трупами измученных людей. Сами же лагеря представляют сплошное кладбище детей и стариков. Через два, три шага — труп...»

Дороги к лагерю были заминированы в два слоя. После того как саперы снимали мину, ставили знак о разминировании, начиналось движение и — срабатывал нижний ряд мин. Утром был мороз, днем земля оттаивала, и мины начинали срабатывать. Дорога проходила в лесу, и ветки деревьев с противоположных сторон после взрыва касались друг друга. Куски одежды оставались висеть на ветках.

Собственно, не мы освобождали, а немцы нам оставляли несколько тысяч людей нетрудоспособных, больных, голодных, сидящих на болотных кочках. Много умерших. Помню у болотной сосенки труп полураздетой женщины и на ней мертвого младенца. Несколько недель немцы собирали и свозили в эти лагеря людей. И непонятно, как кто-то смог выжить без еды в этих условиях. Лагерь обнесен колючей проволокой, по краям — пулеметные вышки.

Трудно осуждать замерзающих, голодных людей, на снегу ночью и днем, за то, что они раздевали умерших и накрывались их одеждой.

Немцы отступили на более выгодный рубеж. А нам оставили лагеря зараженных тифом умирающих и умерших людей. Когда мы увидели это, нас охватил

ужас. Народ сгрудился за заминированной и обнесенной колючей проволокой территорией и спрашивал нас: «Чьи вы?», и услышав ответ, что мы русские, советские, кидались к нам через проволоку. Перелезая через проволоку, они попадали на минное поле и начали взрываться. Те, что стояли сзади, не понимали, в чем дело, и в испуге давили на передних, прокладывая себе дорогу. С чувством радости и потрясения полуживые тоже поднимались и, выйдя из лагеря, падали, обессилев, по краям дороги.

Из тыла и местных деревень подали повозки и машины для вывоза людей. Солдаты помогали грузить ослабевших и больных. На третий день и наши солдаты заболели тифом. Замены не было. Траншеи и окопы рыли в болотной жиже.

Подошли вошебойки (машины, в которых прожаривали выхлопными газами одежду солдат). Группами людей выводили с переднего края, и пока одежда прожаривалась, солдаты обнаженными бегали часа два вокруг машины. Так продолжалось каждый день в течение недели. Много хороших солдат умерло тогда от тифа. В это время был издан приказ хоронить в стороне от больших дорог и на братских могилах писать только одно имя и номер с целью скрыть потери от противника.

Письмо сестре Татьяне

«Татьяна, можно ли считать воровством и мародерством, если замерзающие люди в лагерях раздевали умерших и одевали ее, чтобы выжить? Где здесь вор, где враг? Вор и враг не тот, кто раздевал умерших, а тот, кто создал эти условия — немцы и фашисты!

Переходя на сегодняшний день: нельзя считать пьяницами тех, кто из бывших колхозников сегодня пьет. Колхозы развалили. Землю продали. И бывшему ударнику трактористу без земли и трактора, заживо уничтоженному, остается только ненавидеть тех, кто на его земле строит свой дом, и пить.

Враг здесь не пьяница, а тот, кто создал эти условия».

Плацдарм Нарев

17 октября 1944 года. Гнали нас эшелонами под Варшаву: 406 ОПАБ (отдельные пулеметно-артиллерийские батальоны), 161 ПУР (полевой укреп. район).На каком-то полустанке эшелон остановился и прозвучала команда: «Офицеров к головному вагону!» Читают приказ командира 65-й Армии Батова. В нем говорится о том, что он надеется, что, как и прежде, 161 ПУР покажет себя в бою.

Звучит команда «Разгружаться!» и следовать колонной по дороге на север, в сторону Пултуска, Сероцка, на реку Нарев, где немцы перешли в наступление на плацдарм, занимаемый 65-й Армией. Слышен сплошной грохот там, где немцы «закапывают» 65-ю Армию. Идем спешным маршем. Навстречу подходят машины с прицепами. Садимся в открытый кузов, моточасть (пулеметы, ящики с патронами и гранатами) грузим на прицепы и едем в сторону плацдарма. На нервном подъеме, с песней проезжаем мимо населенных пунктов Польши, где мирные поляки катаются на велосипедах. Остановились перед выходом на позиции в мелком лесу, сплошь наполненном танками. Ночью выдвигаемся на рубеж — левый берег реки Нарев. За рекой — сплошная суматоха. Плацдарм площадью 12 на 9 километров сократился примерно до 5 километров на 800 метров. Окапываемся в районе левой переправы. На плацдарме две переправы. Река широкая, течение быстрое. Переправы под постоянным обстрелом тяжелой артиллерии противника. Связь прервана, телефонный кабель перебит. По мосту не пройдешь, да и другой телефонный кабель тоже сразу будет поврежден. С высокого берега вижу, как группа связистов пытается восстановить связь. Здоровый солдат обвязывается кабелем и плывет на другой берег. Доплыв до середины реки, начинает тонуть, кабель сносит течением и тянет ко дну. Солдат вынырнет,

крикнет «Мама!» и снова идет ко дну. Тянут кабель, и пловец опять ко дну. Так и вытащили за кабель по дну — утонувшего.

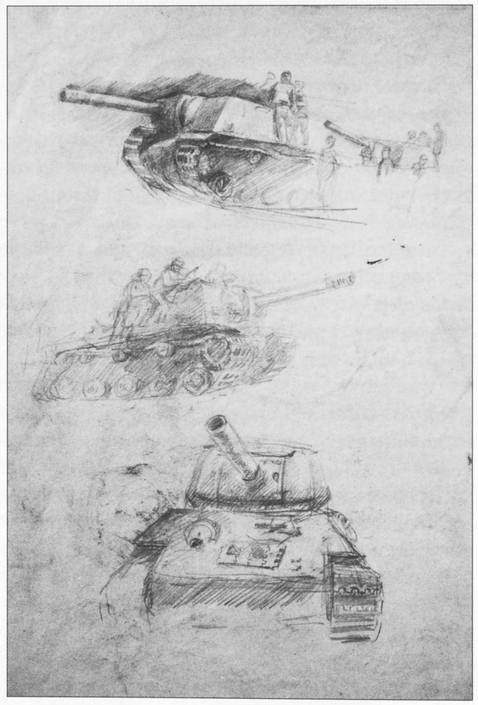
Когда я ухожу с левого края своего района, то оказывается, что и все солдаты оставляют моточасть, пулеметы и следом за мной переходят правей, в соседние ячейки. Дойдя до правого края, чуть отдышавшись, иду обратно на левый край и вижу своих солдат в соседних траншеях.

— Ребята, вы почему здесь? — спрашиваю.

— Да вот, пришли прикурить.

Снова разводишь по своим траншеям и приходится самому оставаться на левом фланге, а то все солдаты уходят дальше от огня противника. В небе полное господство наших самолетов — Илы проходят в сторону немцев, почти чертят по земле. Где и когда они возвращаются — не вижу. Озноб бьет по всему телу. Солдат трудно узнать — все изменились до неузнаваемости.

Из тыла все время по расписанию идет пополнение. Едут повозки, кухни. Бегут повозки-двуколки с термосами. И все это перемешивается в кашу перед переправой после удара артиллерии противника.

Наступает время по расписанию идти танкам. Колонны танков на скорости пытаются проскочить через переправу. Ближайший к нам танк забуксовал и остановился, открылись люки, выскочили танкисты и начали вырезать из гусениц шкуры и кости коней. Видят нас – машут: мол, помогите. Но очередной взрыв вдавливает их в месиво. Нас тошнит от постоянных разрывов, да нам и не до этого. Они уедут, а нам так и придется остаться в этом кошмаре. Сидишь в траншее, и видны только каски. Снаряды «Фердинандов», со свистом пролетая, ударяются о землю и со страшным воем летят дальше. Постепенно грохот утихает и отдаляется. Плацдарм восстанавливается и все время требует пополнения, и нас бросают на плацдарм через правую переправу — более спокойную.

Я со своими солдатами возглавляю колонну. Впереди вся дорога изрыта свежими разрывами снарядов. Дорога проходит между двух высоких холмов. Мы предполагали, что откуда-нибудь осведомители противника наблюдают за переправой и нужно ждать артиллерийского налета. Даю команду своим солдатам следовать за мной и идти по откосу балки. Остальные подразделения следуют по дороге. Начальник штаба Барановский кричит мне: «Куда ты лезешь??? Иди по дороге!». Я продолжаю идти по откосу. Солдаты кричат: «Лейтенант, начальник штаба кричит, чтобы мы шли по дороге». Командую солдатам: «Слушать только мою команду!»

Следовавшие по дороге, дойдя до места, пристрелянного противником, попадают под артиллерийский обстрел.

Начальник штаба дает команду следовать только по откосам! Ночью, перед выходом на передний край, занимаем землянку в районе Дзбанница.

2080731

Старшина назначает очередного дежурного на наблюдательный пункт около землянки. У меня во взводе был один грузин. Подошла его очередь идти на дежурство. Он не встает. Солдат будит старшину. Старшина поднимается и говорит грузину: «Твоя очередь! Подмени товарища!» Грузин продолжает лежать. Я все слышу. Старшина обращается ко мне. Я понимаю, что и я буду бессилен — уговорами его не поднять! Говорю, не вставая, старшине: «Что ты будишь меня? Ты не уговаривай — прикажи по всей форме, а за невыполнение приказа — шлепни». И так как все мы находимся в одной землянке, грузин прекрасно все слышит. Старшина берет винтовку, становится у лежащего на нарах грузина и приказывает встать на дежурство. Грузин понимает, что это последний шанс не попасть на передовую, встает на дежурство с угрозами, что бросит гранату в землянку, уходит. Думаю: «Ладно, потом поговорю!» С утра не находим грузина у землянки. Ждем, может, отошел по нужде, докладывать по телефону не хочется. Зазвонил телефон, и начальник особого отдела «Смерша» звонит мне сам и спрашивает: все ли у меня солдаты на месте. Я отвечаю, что нет грузина, он исчез во время дежурства и сейчас я напишу докладную о его дезертирстве. Начальник говорит, что писать ничего не надо и спрашивает, почему я должен узнавать об этом от своего начальства? Грузина задержали ночью на переправе — он просился в грузинскую часть. Была такая, которую ближе, чем за 70 километров к переднему краю не подпускали.

Ночью занимаем траншеи переднего края в низине. Всю ночь позади нас шла какая-то работа. С утра мы увидели, что ямы, примерно два на два метра, замаскированы хворостом. Утром начинается наступление. Периодически несколько раз сменяют друг друга артиллерия и штурмовая авиация. В небе все прикрыто истребителями, с высоты ясно видно, как входят несколько батарей «Катюш» на машинах. Под прикрытием авиации «Катюши» дают залп за залпом.

Земля от выхлопных газов после каждого залпа снарядов поднимается слоями в небо. После последнего залпа «Катюши» ушли. Затем за нашими траншеями, из земляных ям, срабатывают тяжелые реактивные снаряды, которые иногда летят вместе с деревянной упаковкой. Нервное напряжение на пределе, бьет крупная дрожь, а из тыла, через наши траншеи, пошли наши танки и пехота. Противник начал огрызаться крупными реактивными снарядами. Я видел, что воздух от разрывов снарядов расходился кольцами. Оглушенные солдаты падали, вставали и брели неизвестно куда.

Некоторые снаряды ложились рядом, земля подпрыгивала и осыпалась, откосы траншей становились пологими. После очередных взрывов бегу проверить солдат. Вижу перевернутый пулемет на дне траншеи. Ищу в земле солдата. Вижу край шинели, руку, ногу и больше ничего не видно. Беру пулемет, выдвигаю так, чтобы можно было простреливать впереди, проверяю его — работает. Бегу дальше, вижу сержанта первого номера Корнеева в траншее, идущей в тыл. Его трясет. Подхожу, приказывать бесполезно, глажу его по голове, говорю, что пулемет установил, пулемет работает, и он может идти к нему. Он отвечает, что не может — штаны полны. Я посоветовал снять подштанники и надеть штаны на голое тело. Сержант был храбрый и послушный. Бегу дальше — везде картина удручающая: солдаты, как в параличе, понемногу стали приходить в себя. Узнаю, что немцы из тыла выдвинули «Фердинандов», которые начали бить наши танки. Пехота без танков вперед не идет, танки без пехоты тоже бессильны против «Фаус патронов» и «Фердинандов». Заняли мы только первые траншеи, где все живое было перемешано с землей.

МГТУ
им. Н.Э. Баумана
Библиотека

Плацдарм Пултуск

Заняли мы немецкие траншеи. Справа — наши подразделения. Левый фланг открыт, и траншея уходит куда-то. Где соседи — не знаю. Кто-то заминировал траншею, то есть за левой точкой поставил в траншее противопехотные мины и завалил их землей. Противник вел себя спокойно. Наблюдая вечером, когда уже смеркалось и на фоне неба слегка просматривалось, как немцы занимают передовые ячейки боевого охранения, берегу их на случай мести, так как за каждого своего солдата должен отомстить. Перед передним краем — спираль «Бруно» — колючая проволока кольцами. Днем перед моим передним краем звучат два сильных взрыва. Меня удивило, что не было слышно полета снаряда — значит, немцы ночью притащили два фугаса и взорвали, готовя укрытия. Присматриваюсь к проволоке и вижу изменения, предупреждаю солдат, что ночью могут быть «гости».

Ночью приходит рота разведчиков стрелковой дивизии. Командир роты говорит:

— Ну, лейтенант, можешь быть спокоен. Мои ребята пойдут к немцам.

— Где?

— Слева.

— У меня там стоят противопехотные мины.

— Сколько?

— Три штуки. Я сниму.

— Нет, мы сами снимем.

Говорю капитану (командиру роты разведки):

— Не ходите! Немцы сегодня сами придут.

— Нет! Мы отработали наблюдением маршрут, и мы будем действовать по своему плану.

15 сентября 1944 года. Ночь выдалась абсолютно темная, безлунная. Перед выходом старшина, обвешанный флягами, дает команду:

— По три глотка, не больше.

Кладет один палец «на счетчик» (кадык горла), а второй рукой опрокидывает флягу и после трех глотков — «в нейтральную».

Какой-то разведчик увидел у меня финский нож на поясе и попросил его. Я дал. После ухода разведки их капитан и старшина остались в моей траншее и говорят:

— Пойдем, лейтенант, в твою землянку и глотнем немного.

Отвечаю, что не могу до прихода «гостей». Занял в траншее самое низкое место, где стояла вода, но там, на фоне неба можно было различить передвижения по нейтралке. Долго стоял в воде, ждал «гостей» и увидел, как в 8–10-ти метрах, пригнувшись, группа немецких солдат идет прямо к моим окопам, перешагивая спирали «Бруно». Подать команду «Огонь»? Или осветить (пустить ракету) верх? Не остановлю — они попрыгают в траншею, и тогда — резня. Мысль работает быстро, и я целюсь перед носом у немцев. Пускаю ракету. Столб огня их отбросил назад, ошеломил и ослепил. Кричу: «Огонь, огонь!» Даю очередь из автомата. Надо мной проходит пулеметная очередь немцев, бегу, меняю позицию, даю снова очередь и, зная, что сюда сейчас же полетит с десяток гранат, прыгаю за поворот траншеи, а сам бросаю в их сторону гранату, висящую всегда у меня на поясном ремне (круглая, немецкая, с отвинчивающимся колпачком и кольцом для подвески). Даю осветительную ракету вверх, все затихает, ракета гаснет, и снова шквал огня из установленных пулеметов немцев. Справа вижу на фоне неба силуэты немцев, вылезающих из моей траншеи и бегущих дальше к нам в тыл. Вопрос: стрелять вперед или в тех, кто перешел траншею? Мысль только о том, кого немцы пойдут бить дальше и с кем придется сражаться в окружении до последнего.

Бегу к телефону, срываю трубку и вызываю огонь артиллерии на себя, кричу: «Бей по мне! Много немцев! Огонь артиллерии по мне!» Выскакиваю из землянки, стреляю по воронкам, которые немцы заранее подготовили, взорвав два фугаса, тем самым подготовив для себя укрытия. Даю очередную ракету и тут же — за поворот траншеи. Вижу: справа работают два автомата с тыла в сторону немцев. Ракеты закончились, стрельба стихла. Бегу проверить солдат. Пулеметы разбиты от прямых попаданий. Пулеметы работали в упор. Солдаты — в испуге.

Заработали наши артиллеристы. Все пришли в себя. Справа подошел взвод разведки нашей части. Немцы уходили, унося своих раненых. Под утро вернулась разведка стрелковой части. Разведчики нашли кучи стреляных гильз и много бинтов в крови. На дне наших траншей — осколки от деревянных ручек немецких гранат. Двое наших бойцов легко ранены. Одним из них был я. В госпиталь не ушел, а только ходил на перевязки.

Ножичек

Это было после проведенной разведки немцев. Как оказалось, это не так сложно, если есть опыт. Ведь немцы тщательно подготавливают свои операции, и это всегда заметно по изменению режима противника: появляется самолет, фотографирует, затем простреливают участок артиллерией под коррекцией «рамы». Выверяют направление огнем пулемета, чтобы в темноте не сбиться с цели. Только пристреливают пулеметы днем, а затем ставят ограничители, чтобы очереди шли выше идущих. Или днем простреливают направления, а ночью стреляют трассирующими углами, обеспечивающими безопасную высоту. Во время выхода разведки делают световой ориентир у себя в тылу, параллельно твоей линии связи, тянут свою (для прослушки) и включают музыку для нас. Тогда ты уже знаешь направление и время выхода, когда начинает бить пулемет в одном направлении, выше роста. Загорается световой ориентир у немцев. Ждешь «гостей» и, как правило, они, милые, появляются. Ты их встречаешь, а немецкая артиллерия начинает «уговаривать» нас, чтобы мы дали им возможность уйти к своим, прикрываясь заранее выдвинутыми пулеметами.

И вот пришел к нам начальник «Смерша» — контрразведки «Смерть шпионам»:

— Как вели себя твои солдаты?

— Все хорошо! — отвечаю я.

На ремне у него я увидел красивый финский нож.

— Подари мне его! — прошу я.

— А зачем он тебе? — недоумевает начальник.

— Здесь он скорее пригодится.

— Ладно, давай деньги!

— Да какие у нас деньги? Я даже забыл, как они выглядят!

— Ну, тогда давай я тебя уколю!

Он меня уколол и отдал нож!

Вулька-Залесска

«Идем днем с ПНШ Титовым в одну из рот. Приказ был «Передвигаться только по траншеям», но Титову «море по колено». Петлять по окопам не хотелось, и он решил рвануть через снежную поляну, простреливаемую снайперами. Дело было первого апреля, но еще лежал снег. Титов вылез первым и дошел до одинокого деревца посередине поляны, я за ним. И тут нас заметил снайпер. Сначала он бил по Титову, который успел добежать до валуна и залечь, укрывшись за ним. Потом снайпер принялся за меня.

Пули ложились чуть слева, одна «царапнула» шапку на моей голове и я притворился мертвым. Но холодно, околеваю, да и само мое состояние вы можете представить, когда ждешь, будет снайпер проверять твой «труп» контрольным выстрелом или поверит, что «рус Иван» уже готов. Титов кричит из-за валуна:

— Левка, ты живой!?

— Да!

— Приготовься. Я сейчас встану, отвлеку снайпера на себя, а ты беги!

Так и сделали. Я успел целым и невредимым пробежать сто метров до укрытия, а по Титову снайпер снова промазал. В штабе сразу узнали, что два офицера нарушили приказ и двинулись по открытому полю, а не по траншее, и в итоге поиграли в смертельные кошки-мышки со снайпером. Нас долго и по-разному материли в штабе батальона...»

Из воспоминаний Л. С. Свердлова о 406 ОПАБ

Нашу часть № 406 ОПАБ перебросили на участок, где после неудачного наступления и больших потерь была деморализована стрелковая часть.

Для рекогносцировки и показа расположения переднего края пришел сержант стрелковой части. Мы, группа офицеров, гуськом пошли за ним. Сержант предупредил, что узкий проход в земляном валу на участке, который предстоит преодолеть, простреливается противником. Зная, что только первый или второй из бойцов успеет проскочить это место до очереди противника, я перешел на бег. Офицер, бегущий вторым, тоже знал это, и не уступал. Я взял левее на два корпуса и, не пригнувшись, а во весь рост, в прыжке через вал упал, подогнув ноги на дно траншеи. Прогремела очередь и сержант прокричал, что один есть. Я ответил, что цел. Все остальные офицеры «врассыпную» в разных местах преодолели вал.

Мой участок траншей был справа. Сержант заявил, что это самый опасный участок и траншея завалена убитыми, и он не пойдет туда. Пошел я один и вижу, что в траншее лежат убитые солдаты, иногда даже в два ряда (после неудачного наступления убитых стащили с поля в траншеи). Потом нам сказали, что все офицеры в бою были перебиты, а командира части отдали под суд. С наступлением ночи мы вошли в траншеи. Солдаты ворчали: «Вот, никакого внимания! Когда убьют, так и придется валяться без погребения».

Перед моим участком находился населенный пункт Вулька-Залесска. Противник, обеспокоенный нашими передвижениями, поджог крайние дома, чтобы освещать подходы. Я понял, что все пространство до горевших построек плотно пристрелено, и я положу всех своих так же, как и предыдущих наступавших. Преодолеть этот участок можно только тогда, когда противник перенесет огонь минометов и артиллерии с нашего участка на соседний.

В 11 часов позвонил начштаба и приказал по сигналу ракет начать наступление. Я же отдал приказ своим: «Без моей команды никому не подниматься!»

Просвистели сигнальные ракеты, слева поднялись и спокойно, по открытому месту, пошли роты. Они далеко продвинулись, обходя Вульку-Залесску. Некоторые, самые горячие, и мой заместитель кричат:

— Смотри, все пошли! Давай вылезать!

Я отвечаю:

— Только по моей команде!

Я знал, что если я подниму своих солдат по сигналу, то положу их всех. Противник уже проделал это позавчера. То же самое ждет и нас. Надо ждать, чтобы артиллерия и минометы, нацелившиеся на наш участок, сменили прицел. Противник надеялся, что мы пойдем кратчайшей дорогой, он перебьет нас и успеет потом перебить других наступавших намного дальше от него, чем мы. Он упустил, что слева его тоже стали обходить. Когда немцы перенесли прицел и открыли огонь по наступавшим, мы увидели разрывы слева. Я встал и закричал «Вперед!» и побежал первым, но вдруг увидел перед собой минное поле. Мины лежали открыто, и их было очень много. Осторожно переступая, прошел минное поле, постоянно стреляя короткими очередями. Я подбежал к стене сарая, как к укрытию. Солдаты же мои, наступая с пулеметами и коробками патронов, остановились перед минным полем. Найдя в себе силы выйти из укрытия, прошел через минное поле обратно к солдатам. Я схватил пулемет за ствол, а один из солдат за станок. Я опять пошел вперед, перепрыгивая через мины. Другие солдаты, бросив коробки с патронами, так же, на руках, перенесли пулеметы через минное поле и быстро заняли удобные позиции для обстрела. Мой телефонист расположился на левом торце бункера, который принадлежал немцам. Вечером пришли артиллеристы и заняли правый торец бункера. Командир артиллеристов, майор, подойдя ко мне, спросил: «Ты — пехотный командир?»

Майор рассказал, что вот кончается война, он два раза ранен, а на переднем крае не был. Первый раз его ранили в эшелоне, второй раз — в машине при подъезде к переднему краю. Он просит показать, где немцы? Где передний край? Я отвечаю, что занимали позиции прямо под огнем, и я сам буду разыскивать свои огневые точки. Подходить надо очень осторожно, а то по первому шороху по мне могут открыть огонь.

Выйдя из бункера и отойдя от него несколько шагов, я услышал со стороны немцев рев реактивного снаряда, который мы называли «ишаком». Я побежал от бункера дальше. При наборе верхней точки высоты ракета прекращает работать, и снаряд начинает падать, набирая оглушительный вой. Со всего бега падаю, снаряд разрывается около бункера, воздушная волна проходит. Встаю и вижу, что гимнастерка на мне разорвана от того, что я юзом по земле летел, документы из карманов вылетели. Я собрал документы, не заметив и не подняв вкладыш из партийного билета, где стоят штампы об уплате взносов.

Нашел все свои огневые точки и привел их в связь, указав соседей. Возвращаюсь в бункер и при входе вижу суматоху.

Телефонист говорит, что разрывом реактивного снаряда майору оторвало ноги. Так до передка он и не дошел.

Бой под Проскурней (район города Жлобина)

24—25 февраля 1944 года

— Гусев! Гусев! Что с тобой?!

Гусев дышит-хрипит. Глаза полуоткрыты. Над бровью темное пятно, затылка нет.

Погибли: младший лейтенант Агапкин, гвардии младший лейтенант (?), лейтенант Торкунов, Гусев (в голову), Байгозину оторвало ногу. Погибло около 50 человек.

Канал Нагат

«Конец февраля 1945 года.

Мы повернули к Мариенбургу и далее на Эльбинг, где встретили серьезное сопротивление. Здесь проходил канал Нагат. Высокая дамба, высотой несколько десятков метров, в «теле» которой немцы оборудовали десятки огневых точек, амбразуры для пулеметов и 20-мм пушек. Оборону дамбы, преградившей путь Уру, держали немецкие моряки-курсанты. Нам пришлось «немного попотеть» — брать дамбу штурмом... Расчет одного 45-мм орудия под командованием сержанта Бабанина, который смог затащить пушку на самый верх дамбы, прицельно бил по амбразурам. Нашли лодки. Пулеметный взвод во главе с Виктором Титовым переправился через канал, зацепился за дамбу и продержался до подхода основных сил, обеспечив захват канала...»

Из воспоминаний Л. С. Свердлова о 406 ОПАБ

Рукав Вислы — канал Нагат под Мариенбургом, шириной 500 метров. На лодке по льду с помощью натянутого троса солдаты, перебирая, натягивают канат. Лодка скользит по льду до воды, подходя к другой кромке льда (и это самый трудный момент), подтягивая канат. Лодка выскальзывала на лед и скользила по льду до другого берега. Канат не позволял отклоняться и попасть к участку, занятому немцами. Так переезжали солдаты, подвозили боеприпасы, питание, эвакуированных раненых. И все это ночью.

На этом плацдарме я был ранен 2-го марта.

По тылам

Мне с группой солдат приказано на лыжах пройти по тылам у немцев и установить связь с соседями. Пройдя по немецким тылам 20 километров, возвращаюсь к своим и занимаю немецкую траншею — вал из снега около дороги, откуда немцы обстреливали большак, по которому наступали наши. Нас приняли за немцев и обстреляли. Один солдат догадался привязать нательную рубашку к винтовке, и мы сдались своим: «Русь, не стреляй! Сдаемся! Свои!» У моих солдат отобрали оружие, а мне автоматом щупали ребра, пытаясь отобрать пистолет, который я не отдал.

Офицер связи

После форсирования Вислы мы сжимали кольцом окруженную Данцигскую группировку, но она постоянно пополнялась выходившими по косе немецкими войсками из-под Кёнигсберга. Главнокомандование требовало уничтожить группировку, но она постоянно пополнялась отступающими. Численное превосходство противника было многократно, но немцы были деморализованы, так как шли уже бои под Берлином. Мой взвод после многодневного пребывания на переднем крае перевели на охрану штаба. Начальник штаба 406 ОПАБ назначил меня офицером связи 161 ПУР.

Офицеры ждали вызова (отправки с приказом в часть), общались между собой. Сорокина вызвали в штаб. Офицер связи 408 ОПАБ старший лейтенант (Сапожников?), очень черный, очень шустрый, стал мне показывать свои трофеи: часы и прочие безделушки. Потом предложил показать свои. Я показал очень большой золотой портсигар с монограммой, очень эффектный.

Затем (Сапожников?) пригласил меня посмотреть дом ксендза. Отвечаю, что мне это неинтересно, меня интересуют только книги по искусству. Он сказал, что там много книг, и я не устоял, согласился, и мы пошли смотреть дом.

Двухэтажный дом был пуст, книг не было. Когда поднялись на второй этаж в спальню, (Сапожников?) лег на одну из кроватей. Я предложил вернуться в штаб, но он отмахнулся, сказав, что когда он заходил, начальник штаба сказал ему, что приказ будет еще не скоро. Я лег на соседнюю кровать и провалился в сон. Сквозь сон почувствовал, что на грудь что-то давит. Приоткрыв глаза, через ресницы, вижу, что это пистолет. Пистолет ослабил давление и пропал из поля зрения. Несколько минут я притворялся спящим с одним только вопросом — стоит он здесь или отошел неслышно шага на четыре. Открываю глаза — никого нет. Портсигар пропал. Вырываю пистолет и начинаю преследовать. За каждым поворотом может быть он. Только стрелять первым. Его нет нигде.

Прибегаю в штаб, и мне говорят, что меня вызывали и вручают письменный приказ: «Наступать!». Выйдя от начальника штаба, спрашиваю: «Где Сапожников?» — «Он давно уехал. Еще тогда, с тобой, в штаб своей части». Больше я его не встречал.

Прибыл в штаб своей части с пакетом-приказом о наступлении. Заместитель начальника штаба говорит мне: «Вот выполняй этот приказ. Бери своих солдат с охраны штаба, дадим тебе поваров, телефонистов. Из боевых, полевых офицеров один ты остался. А офицером связи пошли нач. хим. лейтенанта Сергиенко».

Баррикады

«На дороге стоит баррикада: листы шифера сложены на высоту три метра. Оборону держит «фолькштурм». Земля по обе стороны дороги затоплена водой. Наш офицер, кажется, это был Титов, пошел парламентером к баррикаде и привел с собой 28 немецких мальчишек с оружием, все 1929 года рождения, среди них несколько раненых. Молодые пацаны, все стрижены под полубокс. Пришел начальник штаба Барановский, посмотрел на них. Приказал забрать у немцев оружие и распустить всех по домам, что и было сделано...»

Из воспоминаний Л. С. Свердлова о 406 ОПАБ

3–8 апреля 1945 года

Впереди баррикады противника, мины, справа и слева — вода. Наступали трижды, понесли 50 процентов потерь личного состава и всех офицеров. Я был офицером связи и принял командование, когда принес третий приказ наступать.

Бьет гранатомет, ножом роешь лисью нору. Верх ячейки-окопа прикрываешь досками. Слышишь выстрел и к моменту падения гранаты пытаешься по возможности влезть в нору. Граната разбивает доски, если не попадает в щель между досок. В лисьей норе, когда бьет гранатомет, наблюдение ведут из тыла, и если надо наступать или стрелять, звонят. До противника — 100 метров. Даже ночью большак простреливается так, что ходить за пищей и боеприпасами опасно. Лопатки не разведешь.

На восьмой день по телефону от начштаба получил приказ наступать. Все солдаты сидели по отдельным ячейкам вдоль дороги. Чтобы выскочить и пробежать по ячейкам передать приказ, два раза показывал лопату, и тут же — очередь из пулемета. На третий раз выскочил сам. Когда бежал, пулеметные очереди дождем прошивали землю под ногами и даже между ног. Успел пробежать две ячейки, крича: «По сигналу ракеты вперед, на баррикаду!» В третью ячейку прыгнул кому-то на голову. Затем таким же путем — в пятую ячейку. Старшина Чуфаров оттуда меня не выпустил. Нервное напряжение игры со смертью так вымотало, что я согласился. Очень устал. Отдохнул и через час вернулся в свой окоп. Телефон не работал. Кабель был перебит пулей.

Перед рассветом, пользуясь темнотой, подошли к баррикаде и окопались, производя большой шум. Туман рассеялся. Около дома из окопа торчали ноги. Немцы прибили своего сержанта.

Выхожу на дорогу с нательной белой рубахой на палке и подхожу к баррикаде для переговоров, предлагая немцам сдаться.

Немцы выбежали из-за баррикады ко мне с винтовками в руках. Ныряю за обломки в воду и готовлюсь биться до конца.

— Русь, не стреляй, в плен идем! — кричали немцы.

18 апреля было приказано по телефону встретить танки и вывести их на огневые позиции. За время войны я так привык к земле, что отказался от предложения танкистов залезть в танк и побежал впереди них под обстрелом, указывая огневые позиции. Атаку немцев отбили (район я знал хорошо — район обороны моего взвода).

20 апреля 1945 года.

Наступаем. Нас человек восемь забежало за сарай. Немецкий пулемет открыл огонь. Я видел, как щепки отлетают от досок и падают люди.

— Браток, добей! — просил солдат, раненный в живот.

Меня спасла стойка сарая.

Неотправленное письмо

Брагин! (комиссар). Помнишь ли ты, как в Пруссии собирали местное население в лагеря. Я попросил тебя оставить русского мальчика при мне!

В одной партии приведенных из гражданского населения среди немцев был русский мальчик лет 10–12. Я попросил тебя оставить его в нашей части. А ты сказал, что мы должны немедленно выступать, и мне идти вперед с моими солдатами. Сказал, что следующие за нами возьмут его. Ты оставил его с немцами! Черствый ты человек, жестокий!

А помнишь, как в одной польской деревне оказался русский малый лет шестнадцати, высокий, видный. Ты с пистолетом в руке бегал вокруг него, и так тебе хотелось застрелить его за то, что мы воюем, а он с бабами прячется. Малый все время поворачивался, не давая, чтобы ты зашел ему сзади. Этот «великовозрастный младенец» был бледен как мел, весь дрожал и говорил тебе, что ему только шестнадцать лет, что когда наступали немцы, он спрятался, чтобы его не угнали. Он ждал нас, а ты хотел его убить! Молча кругом стояли солдаты. Молчали, а ты агитировал. Но это было безобразно, и ты выглядел мерзко! Тебя нельзя было остановить, можно было только смеяться. И я смеялся над тобой, над твоей «храбростью»!

А помнишь ли, как увидел у меня на пальце золотое кольцо и попросил посмотреть, а сам убрал к себе в карман, заявив, что... Ты мерзавец! Заявив, что «советским офицерам не полагается носить золотые обручальные кольца и что оно у тебя целее будет. Что ты отдашь мне его после войны!» Ох, как хотел я тебя встретить и в подходящий момент отблагодарить. Но ты трус, трус! Подлый трус! И никогда ты мне даже издали не показывался! Мерзавец!

Запрос в Ивановское областное адресное бюро

Прошу, помогите найти моего фронтового друга Зверькова Вадима.

С Вадимом прошел большой боевой путь: М.З.О., Центральный фронт, 1-й, 2-й, 3-й Белорусские фронта. С Вадимом меня породнила боевая жизнь, бессонные ночи и тревожные дни под прицелом на переднем крае. Когда Вадим был сосед по траншее, я всегда был спокоен за тот фланг, где был Вадим. Основа командования взводом —это личный пример. Вадим был всегда на высоте. В декабре 1944 года под Ломжей, после трагической случайности Вадима перевели в другую часть (штрафной батальон). Вскоре я получил от Вадима письмо, где он сообщает, что он ранен и едет в госпиталь (смыл свою вину кровью). Зверьков был командиром взвода ПТР в звании ст. лейтенанта 456 ОПАБ 161 УР, где я провел всю войну. По рассказам Вадима, он родился в 1922 году и жил в г. Пучеж на Волге, где окончил 10 классов. Из уважения и в память фронтового друга первого сына я назвал именем Вадим. Я надеюсь, что Вадим жив. Заранее благодарю за ответ.

В. А. Титов. 1978 год

Ответ. *На ваш запрос Ивановское областное бюро сообщает, что гр. Зверьков Вадим не значится.*

27 февраля 1979 года

На сеансе у В. Титова

Мило, трогательно так и смешно до шалости.

Попросила ты: «Меня нарисуй, пожалуйста».

Пальчик тоненький крючком подносила к носику: «Так и будешь рисовать ты меня курносенькой? Нарисуй не как-нибудь, а попробуй выправить. Что вам стоит, взял, мазнул — как цигарку выкурить».

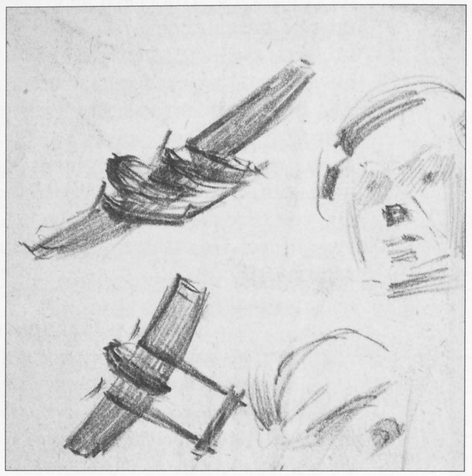
И спокойно не сидя, сыпала упреками: «Ну, скажите ж, а рука так и будет черная?» Поборов себя на миг, вновь с вопросом тянется: «А зачем рисуешь нос, красный как у пьяницы?»

И кокетничая чуть, начинала смелая: «Зубы желтые к чему ж — зубы надо белые». То молчит, а то в момент солнцем расхохочется. Тут не только рисовать — целовать захочется!

М. М. Щелкунов. 29 июня 1945 года

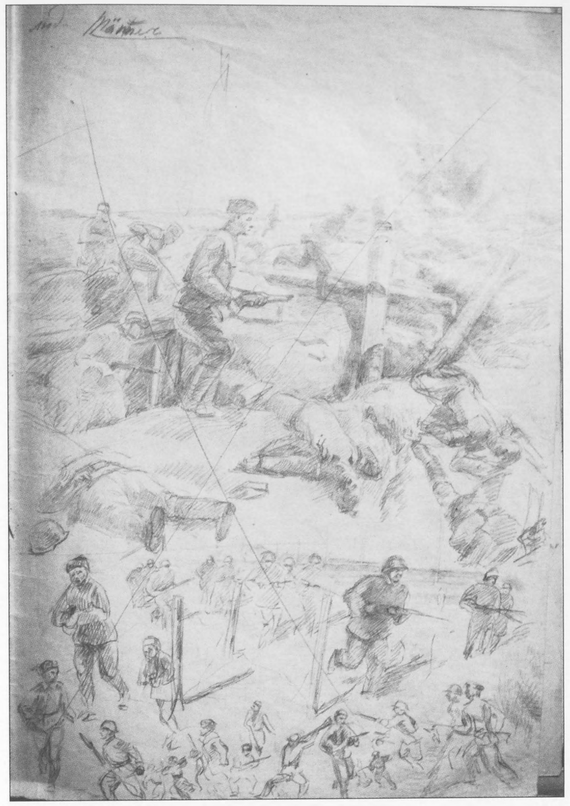
Графика из фронтового блокнота

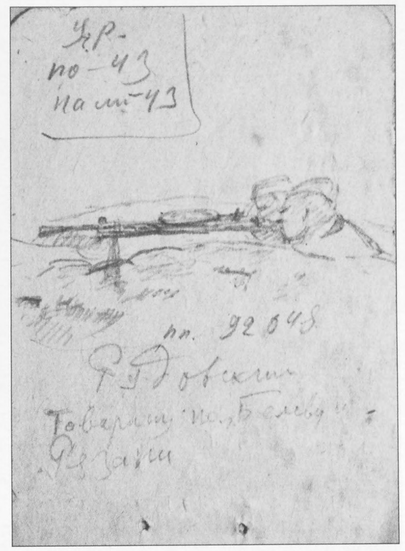

воен. врач

Старшина Ярош - погиб в марте

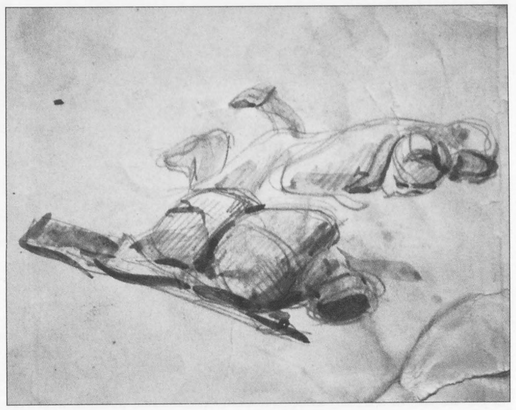

Вулка
Замер

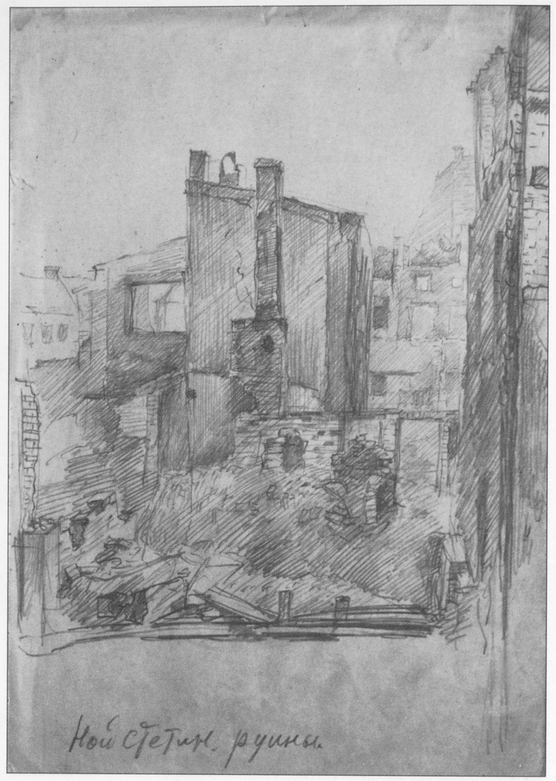

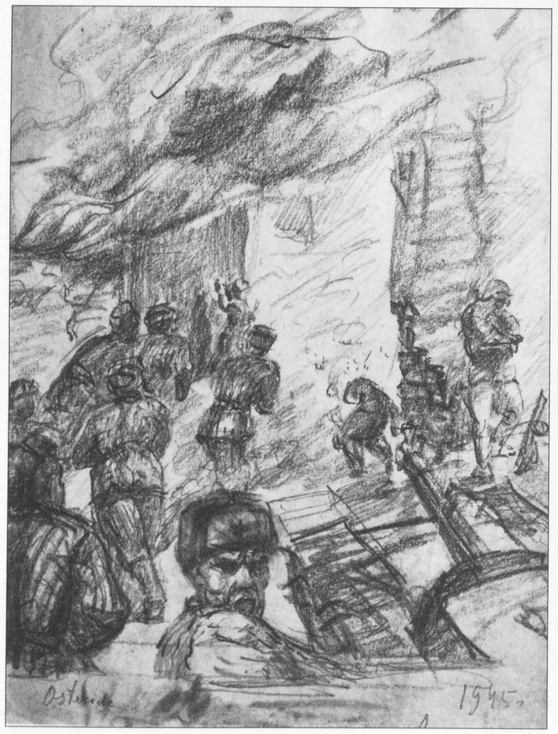

Завязли в грязи

Разведка

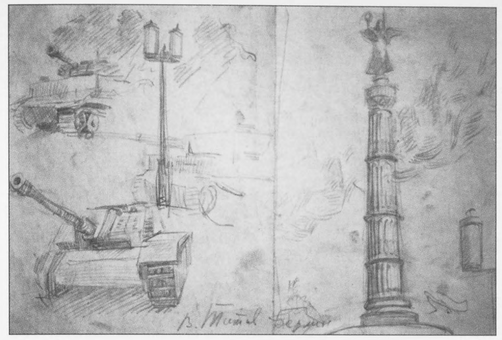

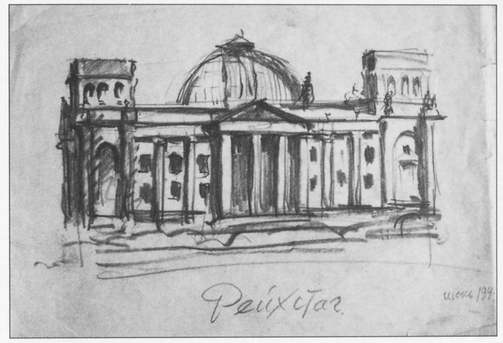

Ной Стетин. руины.

Рейхстаг

